Н. ЛАНГ

ДОГХАНТЕР

18+

Н. Ланг
Догхантер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57240740
SelfPub; 2020

Аннотация

Шокирующая история жестокости. Для Никиты Баринова и его друзей охота на собак превращается в захватывающее сафари. Для молодых людей убийство животных – вид спорта, приносящий удовольствие. Однако это занятие сыграет с каждым из них жестокую шутку. Они узнают, что случается, когда совершенное зло возвращается бумерангом.

Содержание

1 4
2 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

1

Со стороны кажется, что я заботливый малый – обожаю собак. Часто слежу за ними с любопытством. Однако это только со стороны… На самом деле я ненавижу собак. И ненавидел их всегда. Сколько себя помню, эти мохнатые существа вызывали у меня мучительный приступ отвращения. Нет, меня не кусала в детстве собака, как вы решили, и я не стал свидетелем нападения злобной своры на беззащитного человека. Невозможно объяснить сложность той антипатии, которую я испытываю к четвероногим на уровне подсознания. Когда раздаётся неистовый лай, хочется схватить ружьё и уничтожить весь собачий род. Что я и делаю с успехом уже пару лет. Стрелять в собак – истинное блаженство.

Я со своими верными друзьями охочусь за дворнягами, которым не посчастливилось иметь хозяев. Такой у нас спорт. Обычно мы садимся в старый уазик, пропахший табаком и машинным маслом, и колесим по просторам ночного города С. "Мы" – это Димка, получивший прозвище Насос из-за привычки шумно втягивать воздух; Женька Тухлый (и это не из-за запаха, ему просто не повезло с фамилией); и я – Никита Баринов. Неутомимая команда догхантеров. Судьба объединила нас в стрелковом клубе. Мы вообразили, что избавляем общество от болезненных корост, от этих жалких существ, которые становятся источником заразы и агрессии.

Ещё не рассвело, но мы уже были во всеоружии. После вечеринки, случившейся без повода, алкоголь ещё гулял по венам. Однако первые признаки горького похмелья уже подкрадывались ко мне. Гнев требовал выхода.

– Моё приобретение! – Дима достал из кармана телефон и показал его мне.

У меня свело челюсть от непонятного тревожного чувства. Похоже, старуха-зависть заглянула в гости. Это был iPhone X с жидкокристаллическим дисплеем и широкоугольной камерой. "Чёрный оникс".

– Автоматическая стабилизация изображений и съёмка видео 4K. Получаются фотографии высокого разрешения. Моя мечта осуществилась, – Насос закрыл глаза, мурлыча от удовольствия.

Айфон давно сделался пределом мечтаний для него. И для меня тоже.

– И где ты деньги взял? – поинтересовался я.

– Подвернулся один проект, – уклончиво отвечал друг.

Насос занимался строительством домов и слыл одним из лучших архитекторов в нашем городе. К нему иногда обращались солидные клиенты.

Я злился вдвойне. Потому, что уже несколько месяцев мне не удавалось найти работу, хотя бы официантом. Нужно было срочно спустить пар.

– О, вот и наша цель! – объявил Тухлый.

Он пришёл в крайнее возбуждение, особенно после тре-

тьей бутылки пива.

Этот пёс с облезлым хвостом был живучим. С виду ему год или два, породу сложно определить. В ярком свете фар, разрезавшем плотное полотно темноты, я видел впалые собачьи бока, обтянутые клочками шкуры бурого цвета. Мы ехали за ним на медленной скорости и загнали в тёмный тупик. Крепкий оказался пёс, чёрт бы его побрал. В конце концов, бежать ему некуда. Пёс забился в угол. Первым, выбравшись из уазика, я подошёл к нему, и ощущая своё господство, направил на него дуло ружья. Сколько власти в моих руках. Я чувствовал, как пламенное торжество разливалось по телу, увлекая разум в чистилище.

Пёс сердито зарычал и бросился в атаку. Я выпустил в него три пули, но чёртов пёс не унимался. Обнажив клыки, дворняга снова рванулась ко мне. Отчаянный порыв животного усмирил Женька Тухлый с помощью лопаты, которая совсем кстати очутилась у него в руках. Заскулив, едва дышавший пёс упал к нашим ногам. Мы добивали его лопатой. После того, как всё закончилось, от мерзкой твари осталось месиво из перебитых костей и органов в собачьей шкуре.

– Вот проклятая псина! – воскликнул Тухлый, оглядывая себя. – Куртку запачкал.

Он схватился за гладкую лысую голову. Двадцатидвухлетний Женька будто состоял из острых углов. Острый, как клюв хищной птицы, нос – это первое, что приковывало внимание. Тонкие губы выдавали в нём скупердяя. Жека ску-

пился не только в денежных вопросах, он не любил показывать эмоции, отчего его лицо иногда казалось равнодушной маской. В его душе никогда не водилось жалости. Серые миндалевидные глаза с хладнокровием смотрели на мёртвое создание.

– Ладно, Тухлый, не ной, – дразнил Насос.

Двадцатисемилетний Насос был высок и нескладно сложен. Большой живот, свидетельствовавший о любви к обильным возлияниям, шествовал впереди него. Диму трудно было не заметить. Он обладал запоминающейся внешностью – зелёные кошачьи глаза с хитрым прищуром глядели на нас в поисках подвоха; крупный римский нос выдавался на овальном лице; линия губ размыта; на пухлых щеках играл нездоровый румянец. Он только выглядел здоровяком, но отличался слабым иммунитетом. Любой сквозняк укладывал Диму в постель на полмесяца.

– Дай-ка сделаю фото на память, – Дима извлёк новенький телефон и со вспышкой сфотографировал труп пса. – Эх, запостить бы. Представляешь сколько подписчиков я обрету.

– Ещё сторис сними, чтобы нас замели, придурок! – я дал Насосу подзатыльник.

– И что же ты такой нудный? – огрызнулся Насос.

Волна злобы потихоньку улеглась, будто звери, сидевшие внутри нас и требовавшие кровавых жертв, наконец утолили свой голод. Надолго ли? Чем больше мы предавались таким развлечениям, тем больше нам хотелось новых "острых"

ощущений. Мы, как шакалы, попробовавшие кровь, готовы были убивать снова и снова, лишь бы почувствовать превосходство над миром. Наша природа настолько подчинилась законам насилия, жестокости и порока, что пути назад уже не было.

– Этим вечером будет занятно. У меня на примете ещё много вариантов, – сообщил Тухлый.

Он всегда готовился к "сафари" заранее.

– Прекрасно! Но я надеюсь, в этот раз будет интересная охота. Обожаю, когда они сопротивляются, – закончив фотографировать, Дима убрал свой телефон в карман.

Когда собаки боролись за жизнь до конца, в нас просыпался особый азарт. Лёгкая победа меньше ценилась.

Предрассветные сумерки развеялись и во всём безобразии перед нами предстало деяние наших рук, разглядев которое, я на миг потерял дар речи от отвращения. Теперь хотелось скорее убраться и не вспоминать об этом. Я всегда ценил красоту во всех её проявлениях, однако то, что мы натворили, было ужасно.

– По коням! – воскликнул я, словно полководец, и постучал по капоту уазика.

Друзья тоже испытывали странную неловкость от собственной безжалостности. Даже острослов Женька как-то притих, поглядев на убитого пса. Но прошло жалкое мгновение, и Женя вновь надел маску саркастичного циника.

Мы сели в машину и несколько минут провели в молча-

нии.

– Барин, ты чего такой хмурый? – нарушив тишину, полюбопытствовал Насос.

– Где мне достать денег на такой же телефон? – задумчиво произнёс я.

Хотя это ложь – меня занимали совсем другие мысли.

– Работать не пробовал? – съязвил Дима.

– Тебе известно, что для обладателей айфонов в аду приготовлены отдельные апартаменты? – поинтересовался я и в шутку ударил Насоса кулаком по плечу, но он ничего не ответил.

Усмехнувшись, Тухлый завёл двигатель, и мы оставили место преступления позади. На высокой скорости старый автомобиль пересекал запутанные переулки тесного городка. Мимо мелькали серые здания, идентичные как близнецы, глыбой нависавшие над растрескавшимися тротуарами. Город С. отличался скудной архитектурой и отсутствием достопримечательностей. Заурядная тоскливая глубинка, откуда хочется вырваться. И вдруг среди мрачных небес мелькнула радуга. Мир заискрился яркими красками.

– Стой! Я выйду здесь! – вскрикнул я, и Тухлый нажал на педаль тормоза.

– Ты свихнулся? – возмутился он, но я уже выбрался из машины, оставив вопрос риторическим.

Что же это за наваждение? Кого я вижу? Виктория! Она часто ходила пешком, даже в дождливую погоду. Мерный

стук каблучков разносился по полупустой улице. Тёплый осенний ветер развевал пшеничные локоны. Голубые глаза с интересом изучали редких прохожих. Она погружена в мечты. Я не забыл её, несмотря на то, что после окончания школы прошло больше трёх лет. Мы сидели за одной партой, начиная с первого класса и заканчивая выпускными экзаменами. С ней даже в буре подростковых эмоций я находил покой. Она тот огонёк, что освещал путь. Я помню каждую черту её облика: блестящие глаза с озорными искорками; чётко очерченные алые губы, которые казались красочным пятном на бледном лице; веснушки на вздёрнутом носе дополняли портрет. Волосы она перевязывала на затылке шёлковой лентой. Эта лента, всегда синего цвета, сводила меня с ума. Даже после выпускного бала воспоминания о вещице будоражили моё сознание.

Виктория – победоносная. Она любила побеждать во всём: в учёбе; в соревнованиях по лыжным гонкам и на олимпиадах по математике. Сейчас она лучшая среди сокурсников. Вика – само совершенство, слишком красива, и её легко полюбить. И я, разумеется, знал, что она никогда не будет принадлежать мне. По крайней мере, добровольно.

Я догнал девушку у поворота. Она улыбнулась, однако посмотрев на меня, помрачнела. В её зрачках я заметил своё маленькое отражение. Она словно видела насквозь мою душу.

А ведь я любил Вику. Любовь похожа на взрыв сверхновой

звезды. Она ослепительно вспыхивает и светит долго, сгорая дотла. И я горел, хотя свет надежды на взаимное чувство уже почти погас.

– Вика, Вика, Виктория, – пропел я мотив старой песни.

– Здравствуй, Никита! – произнесла она и улыбнулась.

Показалось, даже хотела обнять, однако радость встречи быстро сменилась недоумением на красивом лице.

– Что это? Кровь? – нахмурив тонкие брови, спросила Вика.

– Я убил пару врагов по дороге домой, – пожав плечами, отвечал я.

– Ничего другого я и не ожидала услышать, – она окинула меня презрительным взглядом.

– Не бойся, я резал салат. Помидорка лопнула прямо в руках.

– Ты плохой лгун. Что вы сделали? Опять собаки? А кто дальше – бомжи? – она поглядела на меня с неприязнью.

– Мы – санитары города, – высокомерно заявил я.

– Вы – живодёры, – процедила она сквозь зубы.

– Возможно, я изменю свою жизнь, если ты согласишься пойти со мной на свидание.

– Вряд ли. У меня на этой неделе важный семинар и мне нужно к нему подготовиться, – она бросила эти слова, обернувшись через плечо, и ускорила шаг. Я схватил её запястье и рывком развернул к себе.

– Не торопись, – я прижал Викторию к стене и провёл

пальцем по нежной щеке, затем ладонь скользнула ниже и остановилась на груди. На секунду в её глазах промелькнул страх, и она резко оттолкнула меня.

– Так ты согласна сходить со мной на премьеру "Мстителей"? – спросил я, приблизившись.

Ничего не ответив, она ушла. Молчание слишком пренебрежительный ответ.

– Разберусь с тобой позже, – прошипел я и долго смотрел ей вслед, ощущая запах духов. Она всегда приятно пахла ванилью и клубникой. А от меня за километр несло смертью и жестокостью.

Говорят, что в человеке сосуществуют тёмное и светлое начало. Два зверя – добрый и злой. Я плохо кормил доброго, и обильного питал злого. И с каждым днём злой зверь во мне всё свирепее и скоро он возьмёт верх. И кто станет его очередной жертвой?

Домой я пришёл в скверном расположении духа. Сбросил куртку, перепачканную в крови, и положил на маленькую лавочку, стоявшую в прихожей. Квартира была неприбранной, чувствовалось отсутствие женской руки. Небольшая двухкомнатная квартирка походила на берлогу одиноких медведей, которые оказались излишне неповоротливыми, чтобы убираться чаще раза в месяц. Старая мебель и не стиранные тяжёлые шторы, покрытые пылью, придавали комнатам унылый вид. Вещи из шкафов жили непонятной жизнью и оказывались в самых неожиданных местах, в са-

мый неподходящий момент. Пожалуй, если кто-то назовёт меня неряшливым, я охотно соглашусь с этим определением.

Папа, Николай Сергеевич Баринов, ещё не вернулся с завода, что чрезвычайно порадовало меня. В последние месяцы, да что там годы мы с натугой находили общий язык. Отец много трудился, чтобы обеспечить нам сносное существование. Я же в свои двадцать сменил множество мест работы и нигде не задерживался дольше месяца. Вот и сейчас настал один из тех безработных периодов моей биографии, который медленно погружал меня в пучину тоски.

Я посмотрел в зеркало. Лицо испещрено кровавыми крапинками. Карие глаза хищно блестели из-под широких чёрных бровей. Тонкие губы, выдавали жёсткий нрав. Мужественный греческий профиль делал меня практически Богом. Я высок, статен и хорош собой. Моя внешность обычно привлекала девушек. Разных. Но только не Викторию. Мне иногда казалось, что она игнорирует меня. Я не понимал, почему могу кому-то не нравиться, ведь я идеален.

Скинув испорченные собачьей кровью джинсы и пропахшую потом футболку, я встал под душ. Холодная вода остудила взбудораженные чувства. После, завернувшись в полотенце, я пил кофе и думал. Сколько же власти заключено в прекрасных голубых глазах Виктории. Раньше она видела нечто хорошее во мне, а теперь… Должно быть, разочаровалась. Или же ищет себе принца, чтобы он исполнял любое её желание. Я ничего не мог дать ей, кроме собственного серд-

ца.

Вика всегда дарила мне вдохновение, поэтому перекусив, я прошёлся по комнатам, в которых царил кавардак и отправился в свою "берлогу". Моя комната действительно напоминала логово ленивого медведя. Одежда, вывернутая из ящиков, валялась в беспорядке на полу, который я не пылесосил, наверное, месяц. Напротив шкафа, на стене, окрашенной в спокойный синий цвет, пылилась гитара. Пыль смело обосновалась на гардинах. На дряхлой тумбочке телевизор устаревшей модели, давно сломанный, стал привычной деталью интерьера и надёжным прибежищем всё той же вездесущей пыли.

Я снял гитару со стены и сел на разобранную кровать. На смятой простыне крошки и пятна от чая – я люблю завтракать в постели. В такой "замок" Виктория точно не придёт.

Размышляя о возлюбленной, я сонно перебирал струны гитары. Ни одна мелодия не приходила на ум. Как пусто было на душе после встречи с Викой. Она доверяет тем слухам, что ходят обо мне. В сущности, она права. Ведь реальность хуже домыслов.

Напишу песню и посвящу её Виктории. Я сыграл несколько аккордов, но и они не смогли вдохновить меня на сочинение баллады. Вой зверя внутри, заглушал музыку сердца. Хотелось взять силой Викторию, сделать ей больно, чтобы она рыдала от беспомощности. Когда-нибудь она будет моей.

Часы текли быстро. В комнату вошёл отец и раздосадова-

но посмотрел на бардак, учинённый мной. Я не терпел порядка вокруг себя. Хаос успокаивал, будто в нём я прятал свои пороки.

– Чересчур много времени проводишь с гитарой! – папа очевидно недоволен мной. – Хоть бы убрал что ли. Почему не приготовил ужин?

Оставив меня на попечение отца, мама покинула этот мир, когда я был ещё ребёнком. Отец не женился повторно. И часть хозяйственных хлопот легла на мои плечи.

– Хочу сочинить песню, – мечтательно произнёс я.

Мой отец – физик по образованию, вынужденный служить на электроприборостроительном заводе простым токарем. Он никогда не ценил творческие порывы моей души.

– Что ты делаешь целыми днями? Тебе двадцать, а ты до сих пор не определился, чем будешь заниматься. Матери было бы стыдно за тебя.

– Мне плевать на это, – я равнодушно пожал плечами. – А маме уже всё фиолетово.

Отец пристально поглядел на меня, терпеливо вздохнул и сказал:

– Я слышал, что вы с друзьями отстреливаете собак.

– Это сплетни. Меньше верь тому, что говорят люди, и больше слушай сына.

– Ты вспоминаешь о том, что ты мой сын лишь тогда, когда пустеют карманы.

Я ничего другого и не ожидал от него. Упрёки, упрёки и

ещё раз упрёки. Он никогда не замечал моих достижений. Отложив гитару, я поднялся, заглянул отцу в глаза и не увидел в них ничего кроме пренебрежения. Я стал на голову выше своего старика, поэтому окатил его презрением. Я был сильнее него, и это добавляло уверенности.

– Пойду к друзьям, – объявил я и громко хлопнул дверью.

Кажется, он послал мне в спину: "Чёртов ублюдок!". Отец, если бы ты знал, каких чудовищ иногда порождает мир.

2

Наше любимое занятие – уличное сафари. На старом уазике, принадлежавшем отцу Женьки Тухлого, мы выехали за окраины С., туда, где обычно собираются в своры и влачат жалкое существование дворняги.

Фары выхватили смутный силуэт. Это был пёс, отбивший от стаи. Или изгнанный. Пёс хромал, видно зимой обморозил правую лапу. Шерсть облазила и клоками свисала с тощих боков. Он едва передвигался. Догнать его не составило труда. Он устало привалился к стене, словно бы его уже не пугала гибель. Измождённый пёс дожидался завершения своей грустной жизни. Ему опостылел жестокий мир, который не давал ничего кроме тумаков.

Я так сильно ненавидел этого пса, что мог бы голыми руками уничтожить его. Разорвать на части. Он смотрел мне в глаза с почти человеческой тоской. Будто сам просил прикончить его скорее. А может, он проклинал меня в предсмертный миг. Не смог я тогда принять, что ненавижу вовсе не дворнягу, имевшую несчастье очутиться здесь в неподходящий час, но ненавижу себя.

– Что ты влюбился? – выкрикнул Насос и с разбега пнул пса по рёбрам, тот, заскулив, не сдвинулся с места, словно ему не дорога жизнь. Он не сопротивлялся, как это делали другие создания, жаждавшие жить.

За моей спиной Женька, как искусный палач, заряжал ружьё. Он обращался со своим инструментом трепетно и даже, как-то по-особенному нежно. Пёс был спокоен, будто совсем не подозревал, какая участь ему уготована. Он ждал, демонстрируя смирение ягнёнка перед волками. И даже если рядом с ним грохотали пушки он не шелохнулся бы. А Жека, безжалостно ухмыльнувшись, направил оружие на несчастного пса.

– Барин, уйди! – крикнул Тухлый. – Ты на мушке.

Пёс вскинул голову, поняв наконец, что решается его судьба.

– Минуточку, сейчас я телефон настрою, – Дима достал из кармана айфон, как режиссер придирчиво осмотрел мизансцену и остался доволен. – Ребятки, камера, мотор, поехали! – воскликнул он.

– Эта псина необычная, – проронил я, сам не ведая, отчего растерявшись.

– Что ты там бормочешь? – нахмурился Дмитрий. – Говори громче, иначе зрители не поймут!

– Может, отпустим собаку, – предложил я, встав на пути у Женьки.

– Ты сошёл с ума? – возмутился Женька и ринулся на меня с взведённым ружьём. – С дороги!

– Нет, – я попытался отбросить оружие в сторону, но Тухлый рассердился. Он не хотел отступать. У него был не самый удачный день, и он искал того, на ком можно отыграть-

ся. Между нами завязалась драка. Пёс тем временем ретировался.

Раздался выстрел, ставший для всех неожиданностью. Пуля угодила мне в грудь. Острая боль пронзила всё моё существо, словно молния. Так вот, что чувствуешь, когда превращаешься в мишень. Кровь алыми ручейками растеклась по куртке цвета хаки. Красный смешался с зелёным, и получилось крупное коричневое пятно, расплывшееся у сердца. Смерть пометила меня. Сквозь пелену слёз я видел вишнёвые капли крови на пальцах. Кровь толчками вырывалась из груди. Боль нарастала, разливалась тревожной волной по телу. Солнечный свет багряными всполохами расплескался по небосводу. Догорал последний в моей жизни закат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.